

Татьяна Ермолова

Понятие возраста к нему не применимо: он все тот же – видавшая виды джинсовая куртка, плащ в стиле «Коломбо» и неизменная кепка. Узнаете? – Василий Михайлович Песков.

– ПЯТЬНАДЦАТЬ лет вы отработали на телевидении, вели передачу «В мире животных». Как теперь относитесь к телевидению?

– Если пытаться тем же суррогатом, которым ежедневно потчуют телезрителей, то будешь с ними наравне, а мне на шаг вперед идти надо. Поэтому я раз и навсегда выбрал чтение.

– Это как не пить и не курить...

– А вам откуда известно? Я действительно не пью и не курю. Иначе не перевалил бы за седьмой десяток с прежним КПД.

– Встречаю тут случаем ваш шеститомник. Полистала... «Таежный типик», некогда наделавший столько шума... Пожухлая стопка газет с дюжиной статей до сих пор хранится на антресолях...

– Это серия «Василий Песков рассказывает». А там всяческое: ближние и дальние странствия, невероятные истории и приключения, чуть правдоподобнее мюнхгаузенских... По Аляске, российским проселкам, Африке, Америке. Специально ничего не писал: просто собрал воедино публикации, «просеянные» временем.

– Вы журналист и путешественник по сути своей. Родились с этим?

– Какое там! Что мог знать деревенский мальчишка о журналистике?! А вот исследовал окрестную речку, лес, примечать да наблюдать – хлебом не корми. Правда, время было не хлебное, военное. По лесу, за дровами, километров пять да столько же обратно... Зато какая закалка! Любые жизненные трудности никакие! Вот так и рос в тридцати километрах от Воронежского заповедника: мать – крестьянка, отец – машинист; четверо детей, я – старший. Был у меня заветный сундучок, старательно обклеенный картинками. Наивное детское увлечение... Но исподволь «лепился» вкус к живописи. Собственное видение мира. А это, доложу я вам, дорогое стоит. И не только в искусстве фотографии. А с покупкой первого «Зенита» и гордого звания «репортер» в местной воронежской газете начались мои настоящие странствия.

– Что помешало оставаться в статусе фотографа-профессионала?

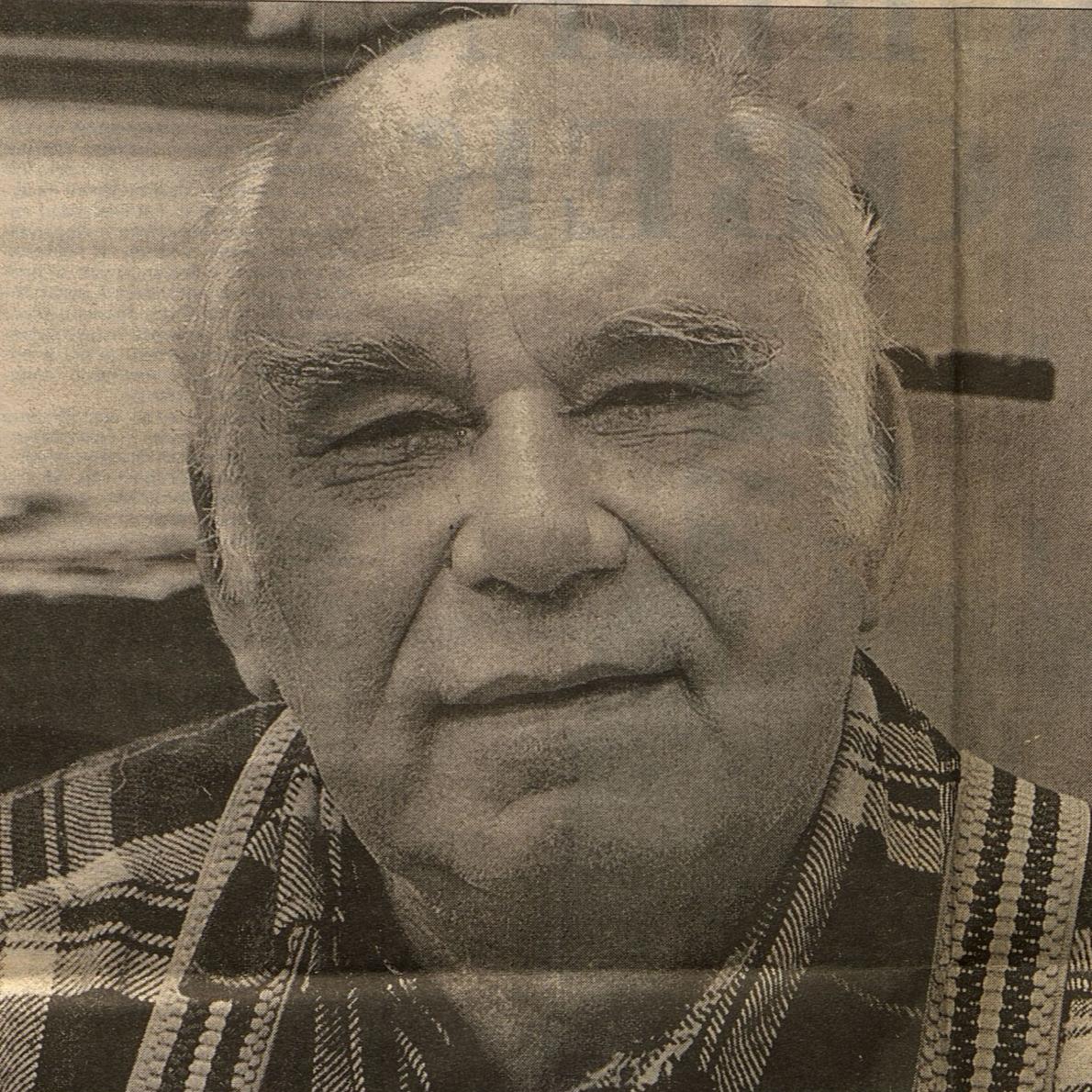
– Еще Валерий Чкалов шутил, что «романтика в авиации кончилась с появлением на борту туалетов». При мерно то же самое произошло в отношении «прогресса» и «фотографии». Куда девалась ее ореол таинственности? А ручной труд, который ценится более всего? «Я работаю по старинке: вожусь с лоточками, светом, выдержкой. И нахожу в этом большое удовольствие. Вообще стараюсь делать только то, что доставляет мне и (хотелось бы верить) окружающим это редкое нынче чувство.

Что касается двух равнозначных для меня профессий – журналиста и фотографа, то в этом повинна моя всеглашанная любознательность да желание чуточку большего, чем может быть. Сначала я придумывал «распространенные» подписи под собственными фотоопытами... Затем случилась первая заметка... Как сейчас помню, «Апельсин в лесу»... А дальше – обыкновенная журналистская эволюция. Вот только на фотографии времени мало что остается – как всегда в последнюю минуту. Беседы-то разные случаются: с маршалом Жуковым, с маршалом Василем... Или вот с летчиками-испытателями на «Байконуре»... И

ЗАГЛЯДЫВАЮЩИЙ В ПРИРОДУ

Путь Василия Пескова начался с расширенных подписей под собственными черно-белыми фотографиями

Независимая газета 26 апр. 2001 г.

Василий Песков.
Фото Олега Иванова

все же, как ни крути, мои любимые темы – это по-прежнему природа, люди, близкие к ней, животные и путешествия.

– Не считите за бес tactность, но отчего вы до сих пор не главный редактор какого-нибудь журнала?

– Да сколько раз меня приглашали «Вокруг света», «Человек и Природа», «Турист», а я отказывался. Не мое это дело – сидеть да в две дырочки сопеть! Я хочу ездить, видеть, узнавать, чувствовать, переживать – только такой я вижу собственную жизнь! Как говорят американцы, я сам себя сделал, и переделывать поздно!

– Люди этого жанра – Кусто, Даррелл... Кто на вас повлиял?

– «Животные-герои» Томпсона в свое время мне многое дали. У нас не одно поколение на них выросло. Я побывал в доме писателя во время двухмесячного путешествия по Штатам. А в 73-м родилась наша с Борисом Стрельниковым книга. Намедни перечитал – удивился: самому понравилось.

– Вы путешествуете в одиночку или с туристическими группами?

– С туристическими – никогда. В основном это командировки от редакции или спонсоров. Недавно вернулся из Кении (восточная Африка), которую показывал друзьям-коммерсантам. Их интересовал животный мир дикой природы, которой осталось так мало на Земле. Хемингуэй своими «Зелеными холмами Африки» завершил романтическую эпоху сафари. А Гримек открыл новую бескровную страницу фотохроники. Голосую за нее двумя руками. Конечно, везде хватает любителей охотничьих трофеев. Но сегодня этого стыдиться надо!

– Хорошо, а у нас, в средней полосе: охота на кабана, лисицу, зайца? Тоже стыдно?

– Нет. Слава богу, их пока что хватает.

– Какие места вас впечатляют более всего?

– Самый интересный уголок в России – это Камчатка. На сравнительно небольшой территории действуют 28 вулканов. Рядом с океаном: тюлени, моржи, ручная рыба...

– Лунная?

– Ручная. Рыба в период размножения. Идущая в реку, где появилась из икринок. Удивительная все же вещь – память воды, земли, воздуха! Родилась в Боронежской области, туда же вить гнездо летят. Чувство «малой родины» не только человеку свойственно. Я вот тоже: месяца в экспедиции за глаза хватает, чтобы в висках застучало: немедленно домой! К нашему беспорядкам и неразберихе. Просто «биологический» патриот какой-то! Не могу без подмосковного леса, привычных восхитительных прогулок.

– Как выходной – рюкзак за плечи и...

– Совсем недавно, когда жил на Юго-Западе, так и было: ехал в сторону Внуково на 611-м автобусе, не доехав, выходил. Так весь лес исходил, что каждый пень в лице знаю! Пройдешь, бывало, километров 25 – хорошо, радостно. А когда почки лопаются... Разотрешь между пальцев, дуих таек, что голова кружится...

– С шашлычком да с костерком?

– Посидеть часок у костра – это неизменно. А вот вместо шашлычка,

который предполагает стационарный пикник, – лучше колбаску «Краковскую» или «Одесскую» на прутке поджарить. Густым чаем запить... Благодать... Такие походы не просто отдохнуть. В результате появляются новые книги. Посидишь около муравейника, понаблюдаешь, как в природе все мудро устроено. Как за жизнь свою микроскопическую любая букашка – до последнего – борется. Впору нам поучиться! Лет 30 назад прочитал, что муравьи тушат горящую свечу, поставленную в их жилище. Давно хотел проверить. Зажег свечку, а муравьишки, как по команде, начали сбивать пламя кислотой из собственного брюшка. Как только свеча прогорела до уровня муравейника – удалось: количеством взяли. У меня слезы градом: кислотное облако глаза разъедает, а я знаю себе – снимаю. Всего-то прогулка в лесу, а сейчас их ни за что не найти! Поехжай-ка лучше в Вологодскую или Калининскую область, там тихо: сплошь «вымершие» деревеньки. Некому зверье тревожить. В перестройку, когда, прости, нечего было жрать, в Подмосковье перебили чуть ли не всех кабанов и лосей. Их следов до сих пор не видно.

– Из русских – конечно же, Иван Бунин. Он обладал просто звериным чутьем. Рассказывают, что во Франции, приедя в гости, вдруг ощутил тонкий запах не известного никому цветка, в поисках которого проползли биты два часа на коленях. Нашел-таки! Бунинское осязание и обоняние – это «притяжение во языщах»... Без него невозможно столь проникновенно передать малейшее движение в природе.

– Сегодняшний подмосковный лес, надо полагать, сильно отличается от бунинского... И даже от того, что был лет десять назад...

– Еще бы! Подмосковье – это опушка 9-миллионного мегаполиса, который исторгает одно беспокойство да грязь. Десять лет назад я снимал деревеньки в зимнем лесу, а сейчас их ни за что не найти! Поехжай-ка лучше в Вологодскую или Калининскую область, там тихо: сплошь «вымершие» деревеньки. Некому зверье тревожить. В перестройку, когда, прости, нечего было жрать, в Подмосковье перебили чуть ли не всех кабанов и лосей. Их следов до сих пор не видно.

– Кто из русских писателей чувствует это особенно тонко?

на берег. А этой зимой такого половодья не будет: ранняя оттепель и дожди здорово убили снежный наст.

– Каждый год на спасательные работы «призываются»?

– Стараюсь, конечно. Ведь весна над Мещерой – это непередаваемо: летят гуси, огромное количество мелких птиц – сорокопутов, соловьев. Для меня несколько дней здесь провести – все равно что вернувшись в Иерусалим побывать! Одно «но» – не всегда получается выбраться. Так же, как и всегда удается помочь животному, терпящему бедствие. Если лось, например, долгое время пробыл в воде, спасти его уже невозможно. У него слабая психика. Случалось, эти животные забредали в Москву. Выстрелим со снотворным их обездвиживали и перевозили в лес, где бедняги умирали от пережитого стресса.

– А по грибы летом ходите?

– Я грибник не особый. Да и грибы для меня – не самоцель, а приглашение к путешествию. Причем на уровне фотоаппарата, а не грибницы. А вообще-то у меня все перемешано, как в меланжевой нитке: работа–отдых, отдых–работа...

– А как с рыбакой...

– Люблю. Это точно. Написал об этом не одну книгу. Вот река Битюг в Воронежской области... Помните, лошади такие мощные – битюги? Таких здесь, на конезаводе, с характерным названием «Хреновской», выращиваются.

– Чем интересна река?

– Любая река интересна. Коль мы о рыбе заговорили, то в прошлом году я сделал необыкновенные снимки сома весом 75 кг, который был пойман на удочку. На жареного воробья. Вообще-то народ наш все чаще электрические приспособления использует. Включил – мгновенный, как вспышка фотографа, разряд – и все живое в радиусе нескольких метров гибнет. Рыба, чудом оставшаяся в живых, не способна к размножению. Бороться практически невозможно, а писать бессмысленно. В Вологодской области, например, есть маленький городок Каргополь: бедность такая, что жители за подобное браконьерство и осуждать не приходится. Для них это вопрос жизни и смерти. Так что электрические удочки – это явление чисто российское, социальное.

– Вы предполагаете есть рыбу или мясо?

– От мяса не откажусь, но рыбу люблю больше. Особенно ту, что присылают друзья с Камчатки: свежезамороженную или слабосоленую, собственного посола. Это невероятно вкусно.

– Средин магазинного лососю, из которого выпотрошили икру?

– У нас продаются рыба, которая была заморожена, разморожена и вновь заморожена. А такая рыба теряет всюкую ценность.

– Частенько встречается лосось с икрой, которую я пытаюсь засолить, но безуспешно...

– Так это, матушка, целая наука: на сколько минут и в раствор какой крепости свежую икорку положить! Как картошка перестанет тонуть, значит, раствор насыщеный. Опустить на 6 минут – будет слабый посол. На восемь – магазинный вариант – тот, что может долго храниться в банках: не-

вкусно, но надежно. Поэтому в идеале икру надо есть сразу после приготовления. Хотя этот продукт быстро придается. На Камчатке я раз пятнадцать бывал, а там, у друзей, она в огромных чанах стоит. Верите, через несколько дней глаза на нее не смотрят!

– Как же вести учет идущей на нее рыбы, которую нужно выловить?

– Сначала определяется точная цифра допустимого вылова, которая год на год не приходится. А счетчик, стоящий в воротах; в местах нерестилищ, ведет ее счет.

– А семга тоже лосось?

– Только атлантический. Когда-то он и к нам в Печору заходил... Та, что мы покупаем сегодня в магазине, – не настоящая. От прежней она отличается, как курица, живущая на вольных хлебах у бабушки Мани, от европейского бройлера. В Швеции, откуда мы в основном получаем этот деликатес, выращиваются семужат в инкубаторах, на рыбзаводах. Выпускают в специальном огороженном фиорде, где она питаются гранулами, которыми курят. А не «пасется» в океане. Поэтому «та» семга «этой» – розин! Сорок с лишним лет назад я как-то попробовал настоящую, парскую...

– А нам и сравнивать не с чем!

– Да, все в мире идет по этому пути. Возьмите, к примеру, европейскую колбасу – есть невозможно. А только что вытащенная из коптильни! На Аляске есть маленький колбасный заводик. Привозишь тушу только что подстреленного во Флориде оленя, а тебе из нее... Говорю, а у самого слоники текут.

– Какие-нибудь случаи из ряда вон с вами бывали?

– Давно, году этак в 62-м. Снимал я медведя в лесу, увлекся, а медведицу не заприметил. Дело было на Кавказе. Медведица ко мне на четырех лапах приступила. Охотник в такой ситуации не успевает даже второй выстрел сделать. Я понял: побегу – заломает. И лико заорал. В этот момент «медвежья болезнь» обычно и приключается. К слову сказать, у медведя она тоже с сильным испугом связана. Замахнулся штативом... А что это для зверя, который еще 100 м с простреленным сердцем бежать может? Но мой страшный ор и «вкопанность» машины остановили.

– И последний вопрос, который не дает мне покоя с начала нашей беседы: нашелась ли выхod из «Таежного типа»? Хоть для кого-нибудь из семьи Лыковых? И что, по-вашему, их погубило?

– Из всей семьи осталась одна 56-летняя Агафья, которую я навещал прошлой осенью. Попасть к ней невозможно: вертольет туда и обратно стоит около 5 тыс. долл. Живет в тайге одна-единешенька, похоронив родителей, сестру и братьев. Сначала я думал, что их погубил какой-то вирус с Большой Земли. А потом понял – стресс: открытие непонятного, чужого мира, о котором старообрядцы ничего не знали. Ведь три человека ушли один за другим, практически в один год. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Василий Михайлович Песков родился в 1930 году в селе Орлово Воронежской области. До переезда в Москву работал пионервожатым, киномехаником, фотографом, сотрудничал в воронежской молодежной газете. В качестве репортера и обозревателя работал в различных изданиях и на Центральном телевидении. В настоящее время – обозреватель «Комсомольской правды».